

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975, 342 стр.

В истории науки не столь уж редки случаи, когда та или иная проблема исследуется на протяжении многих лет, однако отдельные ее аспекты довольно долго не привлекают должного внимания ученых, не говоря уже о монографическом изучении таких аспектов. Как раз к таким случаям относится исследование в мировой науке общественного строя одного из самых известных и, казалось бы, хорошо изученных народов древности — скифов. В самом деле, если скифология как своего рода междисциплинарная специальность существует уже около полутора столетий, и число публикаций составляет несколько тысяч, статей, посвященных общественному строю скифов, насчитывается среди них немногим более десятка, а монографические работы и вовсе отсутствуют. И, таким образом, книга А. М. Хазанова «Социальная история скифов» в известной мере заполняет пробел в исследовании скифской истории и в то же время может рассматриваться и как труд, подводящий итоги достаточно долгой исследовательской традиции.

Однако автор не ограничивал свою задачу изучением только скифского общества. Книга имеет весьма показательный подзаголовок: «Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей». И хотя на первом месте для А. М. Хазанова стояла, как сам он с полной определенностью указывает в предисловии, именно социальная история и социальная организация скифов, не менее существенны и другие рассматриваемые им проблемы — основные закономерности функционирования и развития древних кочевых обществ и соотношение общего и особенного в социальной организации и истории кочевников евразийских степей в целом (стр. 3). Скифское общество, рассматриваемое А. М. Хазановым в качестве одного из типичных раннеклассовых кочевых обществ этой обширной части ойкумены, дало автору значительный по объему и достаточно репрезентативный материал. В сопоставлении с данными по более поздним обществам такой материал позволил ему сделать интересные и важные (хотя, возможно, и не во всех случаях могущие считаться окончательными) общетеоретические выводы относительно хозяйства, социальных и политических структур у кочевников. Такая широта подхода представляет, на мой взгляд, несомненное достоинство рецензируемой книги А. М. Хазанова.

Работа построена на богатом и многообразном фактическом материале; в ней использован и проанализирован весьма широкий круг источников. Большая часть этих источников, опять-таки, давно и достаточно хорошо известна, и, тем не менее, автору удалось во многом по-новому осмыслить содержащиеся в них сведения. Это относится, например, к исследованию им скифских этногонимических легенд. У А. М. Хазанова были здесь очень авторитетные предшественники — достаточно назвать имена Ж. Дюмезиля, Э. Бенвениста, Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова. — однако в книге эти легенды впервые используются в качестве исторического источника именно для социальной истории скифов (с. 36—54), а различные их версии соотнесены с разными этапами эволюции скифского общества.

Столь же интересен и предпринятый в работе А. М. Хазанова пересмотр широко распространенных и ставших уже традицией интерпретаций сообщений греческих авторов о рабах у скифов: исследователь довольно убедительно показывает, что для таких интерпретаций характерно определенное завышение уровня развития рабовладельческих отношений в скифском обществе (с. 133—139).

Вместе с тем нельзя не упрекнуть автора в чрезмерной категоричности, когда он выражает сомнение в эффективности этимологического метода анализа источников при рассмотрении организации скифского общества (стр. 49). Ведь такая позиция означает, в частности, отказ от сопоставления данных античных авторов с индо-иранскими материалами. И такого рода материалы действительно привлекаются в книге в относительно малой степени: из поля зрения автора как бы выпали иранские кочевники Передней Азии.

По-видимому, следовало бы также в отдельных случаях с большей осторожностью подойти к историко-филологическому анализу текстов. Так, при всей заманчивости предлагаемой А. М. Хазановым интерпретации употребляемого Геродотом слова «ο φίλος» (стр. 102) она выглядит недостаточно обоснованной как раз с филологической стороны.

Выводы А. М. Хазанова, относящиеся к собственно скифам, можно суммировать следующим образом. На протяжении периода, документированного источниками, т. е. примерно с VIII в. до н. э. по III в. н. э., скифы прошли путь от общества эпохи классового образования до заключительных этапов раннеклассового общества. До последних веков до н. э. их общество основывалось на различных формах эксплуатации, среди которых преобладала, насколько можно судить, данническая эксплуатация кочевниками скифами подчиненного земледельческого населения. Структура общества основывалась на многоступенчатой родоплеменной организации; в низших звеньях эта организация покоилась на реальных кровнородственных отношениях, в высших же — на чисто фиктивном генеалогическом родстве. При этом такие высшие звенья одновременно служили и административно-политическими подразделениями скифской государственной организации.

Внутренняя структура собственно скифского общества кочевников отличалась значительной сложностью; характерной ее чертой было, по-видимому, несовпадение социальной и имущественной градации. Автор выделяет следующие главные социальные слои: правящий царский род; родоплеменную, а отчасти — и служилую знать; жречество; рядовых свободных кочевников, если и подвергавшихся эксплуатации, то весьма ограниченной и скорее косвенной; обедневших кочевников, эксплуатация которых была более интенсивной; и, наконец, рабов, игравших незначительную роль в общественном производстве. Детальное рассмотрение положения и взаимоотношений всех этих групп населения, особенно же — различных категорий зависимых (стр. 148—164), позволяет А. М. Хазанову сделать вывод о раннеклассовом характере социальной структуры у скифов.

Политическую историю скифов А. М. Хазанов тесно увязывает с социально-экономическими изменениями, происходившими внутри их общественной структуры. Он прослеживает эволюцию политических институтов в зависимости от перехода скифов от общества эпохи классового образования до поздних стадий раннеклассового. Вводится понятие трех последовательно сменявших друг друга скифских царств, при этом автор, насколько позволяют источники, показывает социально-политические и экономические различия между ними. Особый интерес в связи с этим представляет Третье скифское царство, отличавшееся от первых двух тем, что с самого начала складывалось преимущественно на земледельческой основе (стр. 246—250, 259). Констатация этого факта приводит исследователя к постановке более общего вопроса: каков вообще был характер государственных образований у кочевников евразийских степей? Или же, в более широком плане — на каком уровне социально-экономического развития основывались эти государственные образования?

Самая постановка такого вопроса неизбежно требовала выяснения того, насколько высокого стадийного уровня могут достигнуть кочевники к моменту появления государственности. Общеизвестно, что данная проблема широко обсуждалась в нашей науке — можно упомянуть работы И. Я. Златкина, Г. Е. Маркова, Г. А. Федорова-Давыдова и других авторов, — и высказывались зачастую диаметрально противоположные мнения: от признания кочевых обществ «военными демократиями» до их оценки как чисто феодальных. По мнению А. М. Хазанова, кочевники в своем самостоятельном развитии не шли, и не могли пойти, далее отношений раннеклассовых (стр. 254, 256, 258, 267). Аргументируя свою точку зрения, он указывает прежде всего на то, что экстенсивная кочевая экономика, ограниченная, притом довольно жестко, экологическими условиями номадизма и не имеющая возможностей неограниченного развития, в свою очередь накладывает ограничения на развитие социальной организации кочевников. Хорошо известная со времен выхода в свет труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» роль скота как фактора ускоренного развития имущественного и социального неравенства в более позднее время, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, оказывалась неоднозначной. «Особенность скота как быстро аккумулируемого и легко отчуждаемого имущества, — подчеркивает А. М. Хазанов, — первоначально определила быстрый рост имущественной и социальной дифференциации у кочевников... Но та же особенность была одной из причин, по которым темпы дальнейшей классовой дифференциации в кочевых обществах резко снижались. Кроме того, ограниченность пастбищной территории в условиях экстенсивного скотоводства ограничивала и возможный рост производственного продукта. Нестабильность хозяйства и отсутствие емкой сферы применения рабочей силы, постоянные войны за скот и пастбища, а также специфика взаимоотношений с внешним миром тормозили окончательное формирование классов у кочевников, делали необходимым сохранение определенных форм взаимопомощи и кооперации» (стр. 252).

А. М. Хазанов последовательно проводит мысль об органической связи кочевого и земледельческого хозяйства (в применении и к скифам, и к кочевникам вообще¹) как

¹ Сама по себе эта идея не нова: ее еще в 1933 г. высказывал С. П. Толстов (см.: С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — «Известия

необходимом условии появления государственной организации в кочевом обществе: «государственные образования у кочевников по общему правилу возникали лишь накануне завоевания земельных областей, в процессе такого завоевания или вскоре после него» (стр. 256). Этот тезис подтверждается в книге множеством убедительных примеров, относящихся к разным эпохам. И именно «факт тесной и детерминированной связи, всегда существовавшей между кочевыми и оседло-земледельческими обществами» (стр. 272) положен в основу предлагаемой автором периодизации истории евразийских кочевников. В ней он выделяет три основные эпохи: кочевников древних, средневековых и нового времени.

Вероятно, разработанная А. М. Хазановым периодизация (как, впрочем, и любая другая) может стать объектом дискуссии. И, как мне кажется, было бы полезно, если бы автор более подробно, чем это сейчас сделано в книге (стр. 266—268), рассмотрел те соображения о периодизации истории кочевников, какие высказывались другими исследователями. Это в особенности относится к взглядам по поводу уровня развития общественных отношений у кочевников, относимых этими исследователями к «ранним» и «поздним» (стр. 268, 271), а также и к тому, можно ли считать их разными стадиями развития одного и того же хозяйственно-культурного типа, как это предлагалось в литературе. В данном случае краткость едва ли можно считать достоинством авторского изложения. Однако при всем том нельзя не отметить, что концепция А. М. Хазанова решительно выдвигает на передний план идею единства всемирно-исторического процесса, и это, безусловно, следует считать сильной стороной его подхода к истории кочевых обществ Евразии.

Особенности кочевого хозяйства определяли сравнительно слабое развитие рабства как у скифов, о чем уже говорилось ранее, так и вообще у кочевников исследуемого автором региона. Подробно проанализировав причины, по которым рабство не может стать ведущей формой эксплуатации в кочевом обществе (стр. 142), А. М. Хазанов приходит к вполне определенному и, видимо, бесспорному выводу: «Рабство, почти имманентно присущее кочевникам, никогда не было и не могло стать у них основой производства» (стр. 149).

Высказанное автором рецензируемой работы мнение о данничестве как ведущей форме эксплуатации в скифском обществе, он подтверждает сопоставлением этого тезиса со сведениями по многим кочевым обществам евразийских степей (рис. 160—164). А. М. Хазанов солидаризируется с высказанным ранее А. И. Першиным мнением о том, что «широкое развитие данничества у кочевников само становилось фактором консервации примитивных раннеклассовых отношений, потому что внешняя эксплуатация в них превалировала над внутренней» (стр. 163). А отсюда следует вывод: «дальнейшее развитие требовало иных форм эксплуатации, а это было возможно только в результате более тесной интеграции кочевников и земледельцев в рамках одного государства. Именно в тех кочевых обществах, которые пошли по данному пути, и наблюдается дальнейшее развитие классовых отношений» (стр. 163—164). Детальное подтверждение такого взгляда дается при сопоставлении Второго и Третьего скифских царств (стр. 238—246 и 246—250, 258, 259).

По-видимому, именно в специфике кочевого скотоводческого хозяйства, в стагнирующем влиянии на социальную организацию даннических форм эксплуатации следует искать и объяснение отмечаемой А. М. Хазановым «обратимости» социальных процессов у кочевников², служившей, по его мнению, одним из самых ярких доказательств застойности и тупикового характера, отличавших эволюцию кочевых обществ на протяжении многих столетий. «На протяжении почти трех тысяч лет,— подчеркивает автор,— в кочевом мире движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием» (стр. 273). Следует признать, что такая точка зрения выглядит в свете проанализированного ранее в книге материала по меньшей мере ничуть не менее убедительной, нежели те взгляды на развитие кочевых обществ, с которыми А. М. Хазанов полемизирует (стр. 266—272). Нужно при этом иметь в виду, что указанный вывод ни в коей мере не означает, что автор отказывает кочевым народам в способности к самостоятельному прогрессивному развитию. А. М. Хазанов четко разграничивает этнос и общество, этнос и тип хозяйства, и ясно указывает путь преодоления экономического и социального застоя — «переход к оседлости и комплексному хозяйству, в котором в соответствии с экологией конкретных районов и причинами экономического и политического порядка может преобладать отгонно-пастбищное скотоводство» (стр. 274). Речь, таким образом, идет о смене ведущего хозяйственно-культурного типа у одного и того же народа. Кстати, может быть, стоит задуматься над тем, не это ли именно сочетание в рамках

Государственной академии истории материальной культуры», вып. 103, М.—Л., 1934). Но в «Социальной истории скифов» она, пожалуй, впервые проведена столь последовательно, а главное — положена в основу всей авторской концепции государственности у кочевников.

² Тезис о неустойчивости и обратимости «общинно-кочевого» и «военно-кочевого» состояний общества у кочевников был уже ранее высказан Г. Е. Марковым — см. Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. — «Сов. этнография», 1970, № 6, с. 89.

единого этноса кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого типов хозяйства как раз и обуславливает в известной степени сохранение данной этнической общности как таковой.

Конечно, когда имеешь дело с многоплановой работой, где затронуто множество достаточно сложных проблем, почти неизбежно возникают пожелания о более подробном и глубоком рассмотрении тех или иных сюжетов. Не составляет исключения в этом отношении и книга А. М. Хазанова. Мне, в частности, представляется, что очень интересную и далеко еще не решенную в общетеоретическом смысле проблему обратимости социальных процессов в кочевых обществах стоило бы исследовать более детально. С этой обратимостью связан, например, вопрос о месте ремесленного производства в кочевых обществах. Автор лишь однажды и очень кратко говорит о длительности и прерывистости процесса выделения ремесла у кочевников (стр. 201). Само по себе это справедливо, но, на мой взгляд, заслуживал бы внимательного рассмотрения и несколько иной аспект этой проблемы: не исключено, что как раз невозможность отделения ремесла от сельского хозяйства, как это происходило в оседлых земледельческих обществах, была одной из главных черт, определявших специфику кочевого хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нуждается в обсуждении и такой вопрос, как содержание понятия «раннеклассовое общество». В самом деле, такое определение сейчас используется в нашей литературе довольно широко, но единого мнения о том, что конкретно имеется в виду, пока не существует. Практически это понятие как бы молчаливо принимается как нечто изначально данное, хотя объем его в сущности не определен. А. М. Хазанов предлагает собственное его толкование (с. 31); оно приемлемо как рабочая гипотеза и могло бы послужить базой для дискуссии, но проблема в целом явно требует специального рассмотрения (впрочем, эта претензия, пожалуй, относится не только к автору рецензируемой работы).

Далее, не мешало бы, по-видимому, оговорить возможность неоднозначного истолкования данных источников в некоторых случаях. Скажем, не вполне ясно, в какой мере сведения о положении священнослужителей, связанных с мировыми религиями, у кочевников средневековья и нового времени позволяют судить о собственном социально-экономическом развитии данных кочевых обществ, о степени продвинутости классов и политогенеза (с. 178, 179).

Это же можно сказать и об истолковании некоторых иконографических материалов, служащих автору иногда для обоснования весьма серьезных и ответственных выводов по поводу историко-культурных различий между кочевниками разных эпох. Следует сказать, что А. М. Хазанов, справедливо делая акцент на сходстве социальных аспектов их истории, мог бы (и, вероятно, должен был бы) более внимательно рассмотреть и историко-культурные расхождения. Вопросы эти, правда, затронуты в книге (с. 268—271), но как-то очень уж бегло.

В целом, однако, недостатки книги несомненно скомпенсированы ее достоинствами; и указание на них в рецензии направлено прежде всего на то, чтобы способствовать дальнейшему обсуждению недостаточно освещенных в ней вопросов. Труд А. М. Хазанова «Социальная история скифов» — серьезное и интересное исследование, которое, безусловно, заслуживает благожелательного внимания этнографов и историков у нас в стране и за рубежом.

Л. Е. Куббель

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник, VI, М., 1976, 303 с.

Выход в свет каждого «Кавказского этнографического сборника», подготовленного Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая — событие в кавказоведении. Не составляет исключения и очередной VI выпуск (ответственный редактор В. К. Гарданов).

Рецензируемый сборник осветил весьма разнообразную проблематику, относящуюся ко многим народам Северного Кавказа и Закавказья. Вопросы исторической этнографии, восходящие к началу эпохи позднего средневековья, различные стороны народного быта и культуры XIV—XIX веков, современные этнические процессы, — вот диапазон научных поисков коллектива авторов. Богаты и оригинальны источники, на которые опирается большинство опубликованных работ, где органически переплетается изучение полевых материалов и анализ трудов предшественников. Исследование национальной специфики, существенно обогащая этнографическое познание конкретных народов Кавказа, не является самоцелью для авторов. Красной нитью прослеживается чрезвычайно важный аспект историко-культурной общности кавказских народов, их взаимопроductивных контактов друг с другом, с соседями, с Россией и русским народом.

Сборник открывается статьей Л. И. Лаврова «К 250-летию академического кавказоведения в России». Это весьма содержательный и в основном полный обзор разви-